

На правах рукописи

Тейкин Михаил Спартакович

**Региональная этнонимия Северо-Востока России: на примере русских
названий коренных малочисленных народов**

Специальность 10.02.01 — русский язык

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Великий Новгород — 2021

Работа выполнена на кафедре филологии филологического факультета
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Новгородский государственный университет имени
Ярослава Мудрого»

Научный руководитель:	Васильев Валерий Леонидович , доктор филологических наук, доцент кафедры филологии ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»
Официальные оппоненты:	Супрун Василий Иванович , доктор филологических наук (специальность 10.02.01 — русский язык), профессор кафедры русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»; Большакова Наталья Валентиновна , кандидат филологических наук (специальность 10.02.01 — русский язык), доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»
Ведущая организация:	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет»

Защита состоится «21» мая 2021 г. в 09 часов 00 минут на заседании совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук Д 212.168.09 в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» по адресу: 173014, Великий Новгород, Антоново, ауд. 1209.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого <http://www.novsu.ru>, с авторефератом – на сайте <https://vak.minobrnauki.gov.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2021 года

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

В. И. Макаров

Общая характеристика работы

Диссертационное исследование посвящено этнонимам малочисленных народов Северо-Востока России. Для ономастики, частью которой является этнонимика, значительный интерес представляют именно региональные имена, не известные широко за пределами места распространения и потому мало изученные.

Региональными в ономастике следует считать слова, имеющие хождение в конкретной местности и малоизвестные в других местностях или в общерусском ономастическом пространстве в целом. Специфику региональной ононимии обуславливают не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы: природные, социальные, экономические, политические и др. Региональная ономастика определяется историей заселения и развития края, этнической однородностью или неоднородностью, удалённостью от центра, темпами экономического развития и т. п. До периода промышленного освоения Северо-Востока России (1930-е годы) здесь проживало преимущественно малочисленное автохтонное население и русские старожилы, в регионе издревле было представлено значительное число этносов. Как следствие этого, на Северо-Востоке использовались различные этнонимы для каждого народа и для отдельных субэтнических, племенных и просто географических групп (микроэтнонимы), что обуславливало богатство региональной этнической ономастики. С начала промышленного освоения края резко выросло в количественном отношении число русских, ставшее преобладающим, что наложило свой отпечаток на ономастику края: появились новые топонимы, политические изменения в стране способствовали преобразованиям в этнонимии, повлекли за собой изменения в аллоэтнонимах. При этом число этносов на Северо-Востоке не изменилось: здесь проживали те же народы, но изменилось процентное (качественное) их соотношение.

Ономастика каждого региона есть единая и целостная система, в которой онимы всех уровней взаимосвязаны между собой. Исторические и устаревшие названия переплетаются с современными, онимы разных классов служат источником именования топографических объектов: например, от этнонимов и гидронимов образуются топонимы, от топонимов — катойконимы и эргонимы и т. д.

При этом на сегодня следует отметить недостаточную изученность региональной ономастики. Это объясняется как обширностью территории страны, следствием чего является множественность объектов для изучения, так и сравнительно недавним с точки зрения истории началом глубоких отечественных региональных ономастических исследований.

Этнонимика — раздел ономастики, изучающий происхождение, распространение, функционирование и структуру этнонимов. Этнонимика исследует историю этнонимов, их употребление, распространение и современное состояние.

Для России особую актуальность представляет изучение этнонимов ввиду того, что в нашей стране проживает более ста народов; по Г. Ф. Ковалёву, этнонимия России с учётом исторических и словообразовательных вариантов может составить не менее трёх тысяч единиц¹. Такое ономастическое изобилие представляет широкий простор для исследователей. Далеко не все регионы России в настоящее время глубоко изучаются ономатологами, отдалённые местности до сих пор остаются в тени широкого научного освещения.

Кроме того, остаётся практически без внимания широкомасштабная акция советской власти, предпринятая в довоенное время, а именно: последовательная замена этнонимов, использовавшихся в Российской Империи, на этнонимы, наиболее близко стоящие по звучанию к самоназваниям народов (автоэтнонимам). Проводившаяся в 1920–30-е годы политика коренизации виделась большевикам как способ приобщить некогда «отсталые» народы к социалистическому строительству, поднять их уровень культуры, возвысить самосознание. Этнонимия Северо-Востока и изменения в ней, предпринимавшиеся после революции в отношении почти каждого малочисленного народа, до сих пор не получили должного анализа относительно целесообразности таких действий с точки зрения филологии, истории и этнографии. Не все попытки властей оказались успешными, и некоторые народы, несмотря на кратковременное «переименование», до сих пор известны в науке и обыденной жизни под теми же именами, что и до революции (например: чукчи, коряки, эскимосы). Однако в целом императивные меры имели успех: если новое имя народа вводилось в практику и последовательно употреблялось в сфере политики и науки, оно приживалось в русском языке и закреплялось, старое же вытеснялось из памяти; причём касается это не только Северо-Востока. Сегодня не все знают, кто такие вотяки, черемисы, самоеды, гольды и другие народы России, а между тем это были общеупотребительные этнонимы тех, кого стали называть удмуртами, марийцами, ненцами, нанайцами.

Следует подчеркнуть: нельзя безусловно отрицательно относиться ко всем «переименованиям» народов: в некоторых случаях это было целесообразно и с научной, и с практической точек зрения. В предпринятом исследовании изучаются бытовавшие этнонимы народов Северо-Востока, сфера их употребления, а также изменения в них и их замена на новые.

Этнонимия всей страны и отдельных местностей является объектом лингвистического и этнографического изысканий. Наименования малочисленных северных народов не являются широко известными вне пределов проживания самих представителей данных этносов. Этнонимы Северо-Востока можно отнести к региональной лексике, за исключением такого широкоизвестного, как *чукча* (не в последнюю очередь, к сожалению, ввиду многочисленных анекдотов).

¹ Ковалёв Г. Ф. Этнос и имя. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. С. 133.

Актуальность настоящего исследования обуславливается несколькими факторами: отдалённость Северо-Востока от центра, его малозаселённость и малочисленность проживающих здесь народов, сравнительно позднее промышленное освоение явились причиной малой изученности ономастики региона в целом и этнической ономастики в частности.

Этнонимы в отличие от других онимов имеют характерную особенность: они находятся на стыке имён собственных и нарицательных; в настоящее время у исследователей нет единой точки зрения на деление этнонимов по данному лексико-грамматическому разряду, о чём идёт речь во второй главе диссертации.

Этнонимы, как и другую ономастическую лексику, следует разделять на общеизвестные и региональные; последние чаще всего обозначают невеликое число носителей, но могут при этом иметь хождение на значительном пространстве, хотя и малозаселённом.

Этнонимия Северо-Востока России в ретроспективном аспекте представляет до сих пор не изученную широко тему. В отличие от лингвистического пространства региона, являвшегося объектом исследования ряда учёных (из самых известных имён прошлой эпохи следует назвать В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона), изучение этнонимов носило, как правило, описательный характер, без разбора их преобразований и изменений. Объясняется это тем, что основным предметом исследований, как правило, являются языки малочисленных народов Севера, этнографические особенности, фольклор; этнонимы служат большей частью лишь способом обозначения в научных трудах этносов и субэтнических групп, с разбором их этимологии, но без подробного упоминания их видоизменений в русском языке в разные эпохи.

Между тем для науки ономастики представляет интерес изучение названий народов в прошлом и настоящем, поскольку это помогает не только проследить эволюцию имени, но и найти лингвистические связи между неродственными соседними этносами, обнаружить места предыдущего обитания народов, выявить культурное взаимодействие и языковые заимствования.

Степень разработанности темы. За последние пятьдесят лет российская региональная ономастика достигла значительных результатов. Изучены многие проблемные вопросы, выявлена типичная для того или иного региона ономастическая и апеллятивная лексика, типовые ономастические морфемы и форманты, в ряде областей проведены комплексные исследования региональной онимии и описаны местные ономастические системы². Данные слова в полной мере нельзя отнести к Северо-Востоку, тем более по отношению к этнической ономастике региона. По справедливому замечанию Ю. А. Резвухиной, высказанному в 2014 году,

² Гордова Ю. Ю. Лингвистические проблемы региональной ономастики (на материале рызанской топонимии и антропонимии): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.21. М., 2018. С. 8.

особенности наименований коренных народов Крайнего Северо-Востока России (как аллоэтнонимов, так и автоэтнонимов) изучены недостаточно³. Ещё в самом конце XX столетия Е. М. Гоголева отметила, что названия редких немногочисленных или исчезающих групп представлены только в специальных этнографических описаниях и в региональной литературе⁴. С тех пор мало что изменилось. Из фундаментальных трудов современности, где исследуются в том числе этнонимы народов, представленных на Северо-Востоке, в первую очередь следует назвать монографию А. А. Бурыкина⁵. Однако труд петербургского учёного охватывает две отрасли ономастики: этнонимику и топонимику — и в значительной степени носит исторический, нежели лингвистический, характер. Он не является исчерпывающим исследованием этнонимов Северо-Востока России во всех аспектах, при всей своей важности и фундаментальности. Отдельного внимания заслуживает исследование А. А. Сириной, посвящённое эвенам и эвенкам, с подробным описанием и анализом различных этнонимов этих народов⁶. Следует отметить монографию Л. Н. Хаховской, посвящённую камчадалам Магаданской области, где освещается их история, а также описываются наименования данного народа в отдельном регионе Северо-Востока⁷.

Как правило, работы, где в числе прочего есть разделы об этнонимии Северо-Востока, посвящены языкам, этнографии или истории, а названия этносов и субэтносов даются в качестве дополнения. Исследователи приводят этимологию имён народов — точную или предположительную, но не приводится анализ функционирования экзоэтнонимов и эндоэтнонимов (аллоэтнонимов и автоэтнонимов) в синхроническом и диахроническом аспектах. Диссертационное исследование, по мысли автора, призвано частично заполнить имеющийся пробел.

Научная новизна работы состоит в том, что: 1) этнонимы малочисленных народов Северо-Востока исследуются с точки зрения региональной лингвистики, изучается их включённость в региолект; 2) впервые в аспекте региональной этнонимики исследуются изменения в этнонимии (этнонимиконе) малочисленных народов Северо-Востока в послереволюционный довоенный период; 3) в научный оборот вводится понятие *ономастический регионализм*.

³ Резвухина Ю. А. Колымская региональная лексика 20-х — начала 30-х годов XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Магадан, 2014. С. 115.

⁴ Гоголева Е. М. Освоение заимствований из языков коренных народов Северо-Востока (произносительный и словообразовательный аспект) // Сохранение национальных культур в условиях диалога: Материалы научно-практической конференции учителей русского языка и литературы / Отв. ред. Э. Д. Шангина. Магадан: Кордис, 1999. С. 16.

⁵ Бурыкин А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 224 с.

⁶ Сирина А. А. Эвены и эвенки в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012. 604 с.

⁷ Хаховская Л. Н. Камчадалы Магаданской области (история, культура, идентификация). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 325 с.

Целью диссертационного исследования является описание этнонимов малочисленных народов Северо-Востока в синхроническом и диахроническом аспектах.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- определение перечня народов, чьи этнонимы подлежат описанию и исследованию в диссертации;
- выявление круга описываемых этнонимов, включая автоэтнонимы и микроэтнонимы;
- анализ имеющихся научных работ по региональной лингвистике и региональной ономастике;
- уточнение толкования этнонимов в лексикографических работах;
- этимологическая характеристика этнонимов малочисленных народов Северо-Востока;
- обоснование классификационных принципов выделения ономастических регионализмов, их соотношение с литературным языком;
- выявление и описание экстралингвистических факторов, оказавших влияние на выбор или смену этнонима каждого малочисленного народа Северо-Востока;
- выявление и сопоставительный анализ различных вариантов этнонимов и микроэтнонимов в грамматическом и орфографическом аспектах в исторической ретроспективе;
- указание официально используемого в русском литературном языке единого этнонима для каждого описанного народа в единственном и во множественном числе, включая женский дериват (производное), с возможными орфоэпическими вариациями, не являющимися отклонениями от литературной нормы.

Методологической основой настоящего исследования послужили труды лексикографов, ономатологов и исследователей, занимавшихся или занимающихся вопросами региональной лингвистики.

За основу взяты труды лексикографов: Я. К. Грота, М. Фасмера, Л. В. Щербы, Д. Н. Ушакова, А. Е. Аникина и др.

Использованы теоретические достижения русских ономатологов, в частности: В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона, В. А. Никонова, А. И. Попова, О. Н. Трубачёва, А. А. Белецкого, А. В. Суперанской, В. Д. Бондалетова, В. И. Супруна, Е. Л. Березович, Г. А. Меновщикова, И. С. Вдовина, А. К. Матвеева, Г. Ф. Ковалёва, В. А. Туголукова, А. А. Бурыкина, Т. А. Сироткиной, А. А. Сириной, А. И. Грищенко.

Изучены и взяты за основу труды исследователей в области региональной лингвистики: А. С. Герда, В. И. Трубинского, Е. А. Оглезневой, Т. И. Ерофеевой, Р. Р. Гельгардта, Л. А. Грузберг, А. П. Майорова, Е. М. Гоголевой, А. А. Соколянского, Н. Н. Соколянской, И. С. Зварыкиной, Ю. А. Резвухиной и др.

Методы и приёмы исследования определяются указанными выше задачами. Для лингвистического анализа этнонимов в качестве основного избран описательно-сопоставительный метод. Используются также методы

обобщения и систематизации теоретических сведений, методы языкового анализа (лексико-семантического, словообразовательного, этимологического), сравнительно-сопоставительный анализ этнонимов.

Объектом диссертационного исследования являются этнонимы малочисленных народов Северо-Востока России.

Предметом изучения стала этимология и семантика этнонимических единиц, их место в историческом и современном русском языке.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в исследовании поднимаются и получают теоретическое осмысление проблемы, связанные с изучением региональной этнической ономастики в синхронном, диахронном, ономаσιологическом, структурно-семантическом, методологическом, прикладном аспектах.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в практике преподавания в высшем учебном заведении таких лингвистических дисциплин, как «Региональная лингвистика», «Этнонимика», «Социолингвистика», «Антропологическая лингвистика» и «Лингвокультурология». Ряд сведений может быть использован при подготовке словаря этнонимов России.

Достоверность полученных результатов обеспечивается репрезентативностью исследованного материала, всесторонним анализом значительного количества специальной литературы по проблематике диссертации и соответствием полученных выводов существующей теоретической научной базе.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования были представлены на следующих конференциях: Научных чтениях Северо-Восточного государственного университета (Магадан, 2018), региональной научной конференции «Идеи, гипотезы, поиск...» (Магадан, 2018), международных Березинских чтениях (Москва, 2019), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе» (Якутск, 2019), региональной научно-практической конференции молодых учёных, аспирантов и соискателей «Гуманитарные исследования молодых учёных: локальные и мировые тренды» (Якутск, 2020).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Региональная ономастика охватывает весь спектр онимов территории, включая этнонимы, формируя единое ономастическое пространство края и служа базой единой ономастической карты страны.
2. Региональные онимы, составляя значительный спектр ономастического пространства территории, малоизвестны за её пределами.
3. Региолект включает в себя не только номены, но и онимы, функционирующие в данной местности.
4. Этноним, являясь частью ономастики, имеет особый статус, находясь на её периферии — между именами собственными и нарицательными.

5. Этнонимы малочисленных народов Северо-Востока России появились в русском языке в давнее время: отдельные из них начиная с XVII века, затем их число увеличивалось.

6. Этнонимия малочисленных народов Северо-Востока является заимствованной лексикой.

7. Отдалённость Северо-Востока от наиболее заселённых территорий обуславливает малую ознакомленность остальных жителей России с ономастикой региона и тем самым является причиной маркировки этнонимов малочисленных народов региональными онимами.

8. Региональные онимы, являющиеся частью региолекта, нельзя выносить за пределы литературного языка постольку, поскольку они суть единственные официальные наименования.

9. Этнонимия малочисленных народов Северо-Востока России есть разветвлённая система, связанная лингвистически и исторически с сопредельными территориями, включая Северную Америку.

Структура и содержание работы

Настоящее исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, приложения и библиографии.

Во **введении** обосновывается выбор темы, её актуальность и научная новизна, степень изученности, определяются цель и задачи работы, методы исследования, предмет и объект изучения, сообщаются сведения о практической значимости и апробации исследования, описывается структура работы.

В **первой главе** «Этнолингвистические особенности Северо-Востока России» разграничивается географическое пространство описываемого края, даётся генеалогическая классификация языков малочисленных народов, приводится официальный перечень малочисленных народов, живших в крае в момент прихода русских первопроходцев и живущих сейчас; разбирается общий вопрос о соотношении этнонима и этнической идентичности.

Исследование посвящено ономастическому пространству Северо-Востока, в этой связи важно очертить пределы региона. Традиционно к нему относят следующие административные единицы: Чукотку, Камчатку, Магаданскую область и северо-восточные районы Якутии. В рамках диссертации исследования в области региональной этнонимии проводятся в обозначенных границах.

Всего на Северо-Востоке представлено двенадцать малочисленных народов, не считая их субэтнических групп: *алеуты, ительмены, камчадалы, коряки, чуванцы, чукчи, эвенки, эвены, эскимосы* (азиатские), *юкагиры*, в незначительном количестве сохранились также *айны* и *керекы*.

К моменту открытия русскими первопроходцами нового края в нём были представлены народы, проживающие и ныне на Северо-Востоке. Лингвистическое разнообразие, помноженное на широкое пространство, лежало в основе формирования различных племенных и географических групп каждого малочисленного народа, что обусловило появление множества

этнонимов, требующих описания и — по возможности — определения их статуса в языке.

Вторая глава «Региолект в соотнесении с ономастическим пространством края» описывает появление новой отрасли лингвистики на границе диалектологии и литературного языка, проводится анализ существующей терминологии, освещается вопрос статуса регионализмов; изучается ономастическая составляющая региолекта, этнонимы исследуются в качестве особых ономастических единиц; ставится вопрос отнесения этнонимов малочисленных народов Северо-Востока к регионализмам, обосновывается необходимость детального лексикографического описания каждого этнонима в совокупности со всеми названиями, относящимися к данной этнической группе.

Во **втором параграфе** указано, что региональные этнонимы влияют на ономастику в целом: от них образуются этнотопонимы, этногидронимы и др. ономастические единицы. Так, на Чукотке существуют населённые пункты *Ламутское*, *Чуванское*, в Магаданской области — *Эвенск*, в Якутии — *Юкагир*, на Камчатке — *Коряки* и *Южные Коряки*; на Чукотке текут реки *Чукчанка* и *Юкагир*. Ю. Ю. Гордова объясняет данное явление как «феномен края», суть которого заключается в активизации на границе распространения той или иной культуры связанной с ней этнотопонимией⁸.

Региональная ономастическая система существенным образом накладывает отпечаток на этническое видение. В сознании человека определённые этнонимы привязываются к территории, и в этом смысле «региональными» становятся многие, если не все, названия народов, в особенности малочисленных. В таком случае следует говорить о степени региональной составляющей отдельных этнонимов: название народов, проживающих на ограниченном пространстве (значение большой площади такового нивелируется территориальной широтой самой России), являются частью региональной ономастики. В этом смысле ономастические регионализмы представляют собой существенное отличие от регионализмов-апеллятивов, большей частью имеющих отличия от слов литературного языка. В то же время регионализм более сложное понятие, чем диалектизм: последний не относится к литературному языку, классификация первого значительно сложнее: определённый (большой) пласт регионализмов нелитературен или околелитературен, отдельные пласты однозначно следует отнести к литературному языку. Ономастические единицы — единственные наименования являются частью литературного лексикона, при этом могут быть региональными.

Таким образом, можно говорить о наличии ономастических регионализмов и следует дать определение данному термину.

Ономастический регионализм — это слово или словосочетание, использующееся для наименования неодушевлённого объекта, живого

⁸ Гордова Ю. Ю. Лингвистические проблемы региональной ономастики (на материале рязанской топонимии и антропонимии): дис. ... докт. филол. наук. М., 2018. С. 384.

существа, сложившейся общности людей, имеющее хождение на ограниченной территории — как правило, в месте нахождения непосредственного носителя — и недостаточно или мало известное за пределами нахождения или проживания именуемого им лица.

Даётся обоснование необходимости термина *ономастический регионализм*, отличного от терминов *относительный регионализм*, *региональный оним* и др.

Термин *относительный регионализм* включает в себя множество слов, большей частью апеллятивов. Поэтому, по мысли автора, следует использовать термин, позволяющий чётче обозначать именно онимы с региональной составляющей, отделяя их от апеллятивов.

Термин *региональный оним* не абсолютный синоним термина *ономастический регионализм*. *Региональный оним* — название, имеющее хождение на определённой территории, таковыми являются и имена, широко известные за пределами непосредственного нахождения объекта (напр., *Тверская улица* в Москве, *Невский проспект* в Санкт-Петербурге); все они часть регионального ономастикона, но не регионализмы в собственном смысле. Таким образом, региональный ономастикон может включать в себя не только и не столько регионализмы, сколько онимы определённой территории в совокупности — как общеизвестные, так и малоизвестные вне места распространения.

Термин *ономастический регионализм* уже термина *региональный оним*, поскольку обозначает исключительно регионализмы, являющиеся частью региолекта и малоизвестные за пределами территории непосредственного хождения. В связи с этим автор выделяет два разных термина и не смешивает их во избежание двусмысленности.

В **третьем параграфе** речь идёт об этнонимах. Данная лексика, являющаяся обозначением целых народов Северо-Востока, будучи региональной, относится тем не менее к литературному языку. Спорность такого отнесения может возникнуть ввиду малой представленности северо-восточной этнонимической лексики в русском языковом пространстве, причиной чему служит малочисленность проживающих здесь народов, а следствием — малое знакомство или же полное его отсутствие у жителей других регионов России с местными этнонимами Северо-Востока.

Наименования северных народов не являются широко известными вне пределов проживания самих представителей данных этносов, поэтому этнонимы Северо-Востока следует отнести к региональной лексике. Единственным исключением здесь является этноним *чукча*, хорошо известный среди всех носителей русского языка и широко распространённый в русском лингвистическом пространстве.

В отличие от большинства онимов, относимых наукою к именам собственным, этнонимы имеют неоднозначный статус. В. А. Никонов считает этнонимы именами собственными⁹ и отвергает аргумент

⁹ Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 5–6.

противников по поводу написания их со строчной буквы. А. В. Суперанская видит в этнонимах имена нарицательные, не соглашаясь с В. А. Никоновым. Исследовательница сближает этнонимы с обозначениями лиц по социальному положению, производственной деятельности, принадлежности к различным объединениям (приводятся примеры: *москвичи, рыболовы, гегельянцы, утописты, дворяне* и т. п.), являющимися коннотирующими и с неопределённым денотатом¹⁰.

А. А. Белецкий указывал, что этнонимикон теснейшим образом связан с топонимикон и антропонимикон, в связи с чем считал нежелательным исключать этнонимы из ономастических исследований¹¹. Учёный полагал, что лексика любого языка не делится чётко на два класса несобственных (нарицательных) и собственных имён. По мнению диссертанта, этнонимы следует относить к промежуточному лексическому слою, находящемуся ближе к именам собственным.

В диссертации региональные онимы делятся по двум критериям, тесно связанным друг с другом: по степени официальности и по степени распространённости. В зависимости от распространённости онимы делятся на собственно региональные и микроонимы. Отнесённость микроонимов к литературному языку определяется степенью официальности. В случае стилистической противопоставленности онима официальным названиям он располагается вне литературного языка. Исторические онимы стоят несколько обособленно, но при своей официальности в прошлом относятся к литературному языку.

Региональные онимы можно классифицировать следующим образом:

1. *Официальные названия* — часть литературного языка. Располагаются как в ядре, так и на периферии — в зависимости от частоты употребления и степени известности за пределами региона. Знаком * отмечены онимы, входящие в ядро литературного языка.

Примеры: * *Магадан, Сусуман, Ола* (населённые пункты); * *Колыма, Дукча, Хасын* (реки); * *чукча, эвен, камчадал, коряк* (этнонимы).

2а. *Микроонимы* — официальные названия, находятся на периферии литературного языка. К ним относятся, например: микротопонимы — названия микрорайонов, улиц, проспектов, площадей и др. топографических объектов населённых пунктов; микрогидронимы — названия небольших рек, ручьёв, озёр и др. водоёмов.

Примеры официальных микротопонимов: *улицы Нагаевская и Ново-Нагаевская* в Магадане (названы по бухте Нагаева, на побережье которой стоит город), *Набережная улица* в Сусумане (название объясняется примыканием к реке Талон, собственно набережной не является, т. к. линию реки на всём своём протяжении не окаймляет).

¹⁰ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. С. 206.

¹¹ Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). К.: Изд-во Киевского университета, 1972. С. 19.

Примеры иных официальных микроонимов: *Марчекан, Весёлый, Холодный* (ручьи).

Примеры официальных микроэтнонимов: *ороч, чавчувен, алюторец*.

2б. *Полуофициальные микроонимы* — располагаются на границе между литературным языком и просторечием, но ближе к литературному языку. Могут становиться официальными онимами.

Примеры полуофициальных микроэтнонимов: *донрэткэн, орочон*.

Примеры полуофициальных микротопонимов: *Автотэк* (северный микрорайон Магадана), *Марчекан* (юго-западный микрорайон Магадана, названный по ручью *Марчекан*, берущему начало с подножия *Марчеканской сопки* — высочайшей вершины полуострова Старицкого, на перешейке которого располагается город).

2в. *Неофициальные микроонимы* — просторечны, но стоят близко к литературному языку, поскольку зачастую отражают полуофициальные и неофициальные названия без экспрессивной или негативной коннотации.

Примеры приграничных микротопонимов: *Яма* (юго-восточный микрорайон Магадана, расположенный в низине), *Хэл* — от ХПИ (Политехнический институт Северо-Восточного государственного университета города Магадана; сохраняется неофициальное название, существовавшее до присоединения Магаданского филиала Хабаровского технического университета (в прошлом — Хабаровский политехнический институт, ХПИ) к Северо-Восточному государственному университету).

3. *Экспрессивные, разговорные и сниженные онимы* — вне литературного языка. Примеры: *Инвалидка* (просторечие или сниженный топоним; от официального названия посёлка *Инвалидный* близ Магадана, сформировавшегося вокруг *инвалидного городка*, построенного в 1930-е годы для физически ослабленных и покалеченных на тяжёлых работах заключённых¹²; название используется до сих пор, хотя ныне это *микрорайон Солнечный* города Магадана); *чухмарьё, чукчишка* (этнонимы-пейоративы).

4. *Ныне официально не употребляющиеся онимы* — располагаются на периферии литературного языка. Примеры: *луораветлан, тунгус, ламут* (этнонимы); *Мякит* (упразднённый посёлок Магаданской области).

Третья глава «Этнонимы малочисленных народов Северо-Востока России» посвящена исследованию и описанию этнонимов каждого малочисленного народа Северо-Востока, включая микроэтнонимы, устаревшие этнонимы, их место в русском языке в прошлом и в современности.

В **первом параграфе** описываются этнонимы **айнов**. Указывается, что данный народ представлен на Северо-Востоке России весьма ограниченно — на юге Камчатского полуострова. Этимология этнонима носит предположительный характер. Слово *айну* (*ájnu*) означает ‘человек; мужчина; айн’. Долгое время в России айны именовались *курилами* или *курильцами*.

¹² Евсюкова О. Н. Топонимия города Магадана: дис. ... канд. филол. наук. Магадан, 2008. С. 39.

Этноним образован от айнского слова *кур* или *куру*, что значит ‘человек’. Особенное распространение ныне устаревший этноним имел в XVIII столетии, когда данный народ был впервые описан в русских источниках.

Во **втором параграфе** описываются этнонимы **алеутов**. Указывается на существование двух версий этимологии этнонима *алеут*: 1) *алыв-выттэ*, образованное на чукотско-корякской основе *элев/алыв* (варианты *э’чев/а’чав*) со значением ‘обвязывать, обматывать что-либо’, в русском языке приняло форму *алеут* (И. С. Вдовин); 2) *алли́тхух* ‘родственная община’, ‘команда’, ‘объединённая чем-то группа людей’ (Г. А. Меновщиков). В параграфе представлены наиболее распространённые эндоэтнонимы с указанием их происхождения: *унасас* ‘живущие внизу у моря или в проливе между маленькими и большими островами’, самоназвания на русской основе *алеута-н* и *алеута-с* у медновских и беринговских алеутов соответственно.

В **третьем параграфе** описываются этнонимы **ительменов**, приводится происхождение названия на русском языке — от самоназвания *итэнмэн* ‘живущий’, указывается на именование в XVIII и XIX столетиях ительменов камчадалами и связанные с этим последствия. Рассматриваются изыскания Г. В. Стеллера, свидетельствующего, что коряки в XVIII веке видели минимальное различие между собою и ительменами; это предоставляло возможность использовать одно название *нымыланы* на две общности, сегодня считающиеся разными этносами. Данный факт объясняет, почему ительмены именовались коряками тем этнонимом, который сохранился по настоящее время и используется в качестве регионального для самих коряков.

В **четвёртом параграфе** описываются этнонимы **камчадалов**. Указывается, что семантика лексемы *камчадал* на протяжении веков не была неизменной и это само по себе представляет интерес для изучения. В XVIII и XIX столетиях камчадалами называли ительменов. Исследуется нарастание потребности семантического размежевания онимов, следствием которой становится процесс их дифференциации: название *камчадалы* постепенно стало закрепляться за обрусевшими ительменами долины реки Камчатки, а название *ительмены* — лишь за теми обитателями полуострова, которые сохранили свой родной язык и некоторые архаические черты быта¹³. Изучен вопрос названия современных камчадалов в переходный период — до семантического закрепления этнонима *камчадал* за данным этносом: исследователи использовали словосочетание *обруселые инородцы*, достаточным образом отражавшее этническую принадлежность людей (смешанное происхождение и русский язык), но не могшее послужить в качестве наименования народа. Значительную роль в распространении этнонима *камчадал* за пределы полуострова сыграло административно-территориальное деление, когда в 1909 году была в третий раз образована Камчатская область, в состав которой вошли Гижигинский и Охотский уезды.

¹³ Хаховская Л. Н. Коренные народы Магаданской области в XX — начале XXI в. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008. С. 159.

В результате административной реформы управление большей частью Охотского побережья перешло в Петропавловск-Камчатский. Вслед за включением новых территорий в подчинение города на Камчатке произошло распространение этнонима *камчадал* на местных жителей со смешанным происхождением; слово, имеющее давнюю традицию употребления на полуострове, вошло в практику на новых территориях. Мнение автора основывается в том числе на материалах Л. Н. Хаховской, верно указывающей, что именно деятельность советской власти «запустила» механизм этнической идентификации: люди, по сословным признакам относившиеся к инородцам, но различного происхождения, официально смогли объединиться в одну этническую группу камчадалов.

Даётся два ныне существующих этнонимических значения лексемы *камчадал*:

1) тождественное лексеме *ительмен*; носит исторический характер, поскольку в прошлом коренной народ Камчатки называли в том числе камчадалами;

2) народ, живущий на Крайнем Северо-Востоке (или просто — Северо-Востоке) России, преимущественно на Камчатском полуострове и северной части побережья Охотского моря, ведущий своё происхождение от смешения русского казачества и служилых людей с коренным, или местным, населением, преимущественно ительменами и коряками, в меньшей степени — эвенками, юкагирами и якутами.

В параграфе указывается, что этноним *камчадал* представлен в научной и художественной литературе, но в устной речи тех, кто не имеет постоянных или спорадических контактов с камчадалами (что обычно происходит чаще всего в месте проживания народа), встречается редко. В силу этого *камчадал* признаётся ономастическим регионализмом, принадлежащим северо-восточному региональному варианту русского языка, в который входят этнонимы и других малочисленных северных народов.

В **пятом параграфе** описываются этнонимы **кереков**. На основании изученных источников указывается первое самостоятельное название кереков в русском языке — *чукмари*. Впервые кереки под этнонимом, близком к принятому сегодня, упоминаются Николаем Львовичем Гондатти — *керекит*; параграф содержит как само упоминание данного народа исследователем, так и наиболее вероятную версию происхождения этнонима (заимствование у чукчей). Сами кереки предпочитали называть себя *ан'к'алакку* 'приморские' или *каракыкку* — от названия, данного им чукчами. Кереки делились на две группы — *наваринскую* (*ыйулаллакку*) и *хатырскую* (*иутылаллакку*). Сегодня деление неактуально по причине крайней немногочисленности кереков; в настоящее время стоит вопрос о сохранении их как народа и соответственно общего этнонима в активном лексиконе жителей Северо-Востока.

В **шестом параграфе** описываются этнонимы **коряков**. Указывается на три самоназвания народа: 1) *чавчу* 'оленовод', 'богатый оленями' (этноним совпадает с чукотским); 2) *рамкыкэн* 'кочевник' (из оседлых);

3) *нымыльо* ‘жители’, ‘поселяне’ (ед. ч. *нымыльан*). Первый и третий этнонимы имеют более широкое распространение.

Исследуется несколько версий происхождения этнонима *коряк*: *нымыланская*, т. е. *корякская* (корень *кор* означает ‘олень’); *юкагирская*; *чукотская* (*к’оран’ы* (реже *к’ора-к’ор*) ‘домашний олень’); *эвенская* (*хээкэл* ~ *хэеуэл* — заимствование из чавчувенского диалекта *корякского* языка *а-к’оя-кы-лг’о* ‘безоленные’, где отпало начальное *а-* и увулярное *к’-* отразилось в виде *х-*).

Особое внимание уделено попытке смены названия, поскольку оно было связано с вопросом возможного деления этноязыковой группы на два этноса. В качестве общего наименования для *коряков* был выбран региональный эндоэтноним — *нымылан*, применимый к оседлым *корякам*. При таких обстоятельствах вызывает объективное сомнение стремление называть всех *коряков* *нымыланами*, вне зависимости от места проживания и типа хозяйства, предпринятое советской властью в 1930-е годы. Однако сама же власть колебалась в своих действиях, о чём свидетельствуют попытки обозначения *коряков* в качестве двух народов — *нымыланов* и *чавчувен*ов. Если бы разделение закрепилось, этноним *коряк* или отошёл бы в прошлое, или стал бы обозначать этноязыковую общность. По сути, более вероятным было бы не переименование в прямом смысле слова, а создание двух официальных наименований с целью доведения различий между *корякскими* субэтносами до полного их обособления в отдельные этносы. Но от концепции двух народов отказались. При таком раскладе этноним *нымылан* вряд ли мог использоваться для обозначения всех *коряков*: именование оленной группы, которую намеревались «повысить» до уровня отдельного этноса, но не претворили идею в жизнь, не могло бы служить корректным общим этнонимом для всех *коряков* — не в последнюю очередь потому, что внесло бы путаницу в непростую этнонимию Северо-Востока.

Делается вывод о том, что не последнюю роль в восприятии всех *коряков* единым народом на официальном уровне сыграло мнение В. Г. Богораза — специалиста по *чукчам* и *корякам*, *чукотскому* и *корякскому* языкам, пользовавшегося в те годы неоспоримым авторитетом, отмечавшего трудность допущения того, что оленные *коряки* и *приморские коряки* представляют различные народности¹⁴.

В **седьмом параграфе** описываются этнонимы **чуванцев**, тесно связанных с *юкагирами*. Дается происхождение этнонима *чуванец* — из *юкагирских* диалектов: *юкаг.* *чавул* ‘море’, *чавунди* ‘приморский житель’. *Чукчи* и *коряки* называли *юкагиров* и *чуванцев* общим именем — *атал* или *этэл*. Ныне *чуванский* язык утрачен. При этом в параграфе указывается, что, несмотря на утрату языка, *чуванцы* как этнос не исчезли, а продолжают существовать до сего дня, причём численность их выше, чем *юкагиров*, чьей восточной ветвью они когда-то небезосновательно рассматривались. Сохранение этноса не в последнюю очередь связывается с тем, что *чуванцы*

¹⁴ Богораз В. Г. Чукчи: в 2 ч. Ч. 1. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК, 1934. С. XXII.

активно ассимилировались с иными народами, в том числе и русскими; данное обстоятельство позволило сохраниться чуванской идентичности — ценой утраты языка и бóльшим разрывом с юкагирами по сравнению с предыдущими столетиями. Этноним *чуванцы* стал вследствие перехода на русский язык самоназванием народа.

В **восьмом параграфе** описываются этнонимы **чукчей**. Указано, что слово *чукча*, обозначающее в русском языке представителей целого народа, происходит от чукотского слова *чаучу* ‘богатый оленями, оленевод’. Таким именем называли себя чукчи-олeneводы, кочующие в глубинах материка, в противоположность сородичам, живущим у моря и разводящим собак, именовавшимся *аукальыт* (ед. ч. *аукальы*). Два главных этнонима лежат в основе деления чукчей на две группы: оленных и береговых. До сих пор чукотский лексикон содержит слово *чавчыв* (мн. ч. *чавчыват*), означающее ‘чукча-олeneвод; богатый оленевод’. Следует отметить, что этноним *чукчи* был выбран в качестве общего обозначения целого народа не случайно: русские позаимствовали *чаучу* у якутов и эвенков (ламутов), поскольку два последних народа так именovali своих воинственных соседей, а затем видоизменили слово и приняли в свой язык.

Исследуется вопрос отнесения этнонима *чукча* к ономастическим регионализмам по состоянию на XIX век. Оним был представлен большей частью в этнографической литературе, в описаниях учёных и путешественников. С началом промышленного освоения Северо-Востока в устную и письменную речь попали географические названия отдалённых от центра областей. Так топонимы *Чукотский полуостров* и *Чукотка* стали общеизвестными, поскольку частота их употребления резко повысилась. Благодаря этому жители иных местностей узнавали о чукчах как о народе, и этноним *чукча* утратил региональный оттенок.

Указывается на факт того, что живущие в России носители русского языка хорошо знакомы с чукчами, но при этом наблюдается непоследовательное употребление женского деривата этнонима. В большинстве случаев в речи проживающих вне пределов Северо-Востока чукотская женщина обозначается тем же этнонимом, что и мужчина, т. е. *чукча*; таким образом, данное существительное воспринимается ими как имеющее общий род. Однако непосредственно проживающие на Северо-Востоке чукотскую женщину чаще назовут *чукчанка*; в речи таких людей *чукча* имеет исключительно мужской род. Различные словари фиксируют три варианта рода существительного: 1) мужской, 2) мужской и женский, 3) мужской (женский вариативен).

На основе изученных данных этноним *чукчанка* автор относит к ономастическим регионализмам, поскольку частота его употребления высока на Северо-Востоке и стремительно снижается к западным регионам России.

Делается вывод о том, что корректнее относить слово *чукча* в значении ‘представитель палеоазиатского народа’ исключительно к мужскому роду: в таком случае оно приобретает половую маркированность и обеспечивает лучшее понимание текста. В целом, данное слово в речи проживающих в

непосредственной близости от чукчей чаще всего имеет мужской род, общий род появляется в отдалённых от Чукотки регионах. Об исключении общего рода возможно будет говорить лишь в случае, если *чукчанка* перестанет быть ономастическим регионализмом; пока что это не предвидится. Однако вариативность в обозначении женщины *чукчанка* ~ *чукча* характерным образом маркирует речь и в случае употребления первого варианта даёт понимание: о принадлежности говорящего к жителям определённой местности, о пребывании на территории проживания чукчей, о контакте с чукчами или же о наличии минимальных знаний в области лингвистики. Употребление слова *чукча* для обоих полов чаще всего указывает на незнакомство говорящего с данным народом и, как следствие, особенностями дальневосточного лексикона.

Отмечается появление нового значения лексемы *чукча* ‘представитель народа Северо-Востока, вне зависимости от национальности’, не зафиксированного ещё крупными словарями. Такое значение объясняется двумя причинами: 1) этноним *чукча* не является регионализмом, слово хорошо известно среди носителей русского языка независимо от места проживания; 2) люди, не знакомые с народами Северо-Востока, часто не знают обозначающих их этнонимов — отсюда вынужденное использование известного слова *чукча* как обобщающего.

В девятом параграфе описываются этнонимы **эвенков**. Указывается на существование до революции общего названия эвенков в русском языке — *тунгусы*; дополнительно разъясняется, что в данную группу часто включались и иные народы, говорящие на тунгусо-маньчжурских языках, в частности эвены (ламуты) и даже негидальцы. Даются различные версии о происхождении этнонима. Наименее вероятная из них, отвергаемая в диссертации, — об этимологической связи слова *тунгус* с монгольским словом со значением ‘свинья’, в т. ч. потому, что свиней могли разводить исключительно оседлые народы.

В ходе исследования установлены две наиболее правдоподобные этимологии: 1) ‘татарина человек’, из тундренного диалекта ненецкого языка (А. Е. Аникин); этнонимическая функция словосочетания была вторичной, но весьма древней; один из компонентов обозначал неприятеля, недруга, а второй — человека, людей; 2) из якутского *тон* ‘мёрзлый’ и *юс* ‘верхняя губа’: ‘невнятно говорящий’ (А. И. Шиманьский).

В параграфе указано, что наиболее вероятной является или версия А. И. Шиманьского, трактующего этноним в значении ‘невнятно говорящие’, или же — поскольку слово *тон* означает в якутском языке ‘мёрзлый’ — версия о значении этнонима ‘мёрзлые люди’, т. е. живущие в суровых климатических условиях.

Делается вывод, что формирование национальной идентичности эвенков обусловлено в т. ч. принятием единого общего этнонима в XX веке, что отграничило данный этнос от иных тунгусских народностей.

В десятом параграфе описываются этнонимы **эвенов**. Указывается на одно из первых известных науке наименований эвенов — *ламуты*

(этимологическое значение 'помор'). Даётся пояснение, что в прошлом ламуты часто относились исследователями к тунгусам — либо в качестве отдельных «родов» и «поколений», либо маркировались таким этнонимом по месту проживания. Этноним *ламут* являлся географически ограниченным — применявшимся к эвенам, обитающим у морских берегов; данное обстоятельство делало его не совсем точным для маркировки места проживания этноса. Делается вывод: если бы чёткое этническое разграничение было проведено ранее, следствием чего стало бы прекращение смешения понятий *тунгус* и *ламут*, — последнее могло бы стать национальным идентификатором определённого народа Крайнего Севера. Поскольку этого не произошло, замена старого — не совсем точного — этнонима новым, *эвены* (произошедшая не стихийно, а сознательно проведённая), прошла в русском языке безболезненно.

В параграфе исследуется период официального утверждения нового названия эвенов в русском языке, когда имела место своеобразная конкуренция между этнонимами *эвен* и *ороч* за утверждение в качестве единого наименования народа. Первоначальная территория деятельности Дальстроя охватывала местности, где самоназвание *ороч* было более распространённым, чем *эвен*. По мере расширения территории треста в его ведение вошли местности, жители которых называли себя эвенами, но в статистических данных работники Дальстроя фиксировали только орочей. Дальстрой обладал достаточными хозяйственными и культурными ресурсами, чтобы под его влиянием в качестве общенародного был принят этноним *ороч*, а не *эвен*, если бы первый действительно имел более широкое распространение, нежели второй, или хотя бы равное с ним. Этого, однако, не произошло, и сегодня *ороч* является лишь микроэтнонимом — им называет себя группа эвенов ограниченной территории. Кроме того, орочами именуется народ, относящийся к южнотунгусской ветви тунгусо-маньчжурской языковой группы. Данное обстоятельство не могло в конечном итоге не повлиять на то, чтобы для именованного северотунгусского народа принять в русский язык отличное наименование, тем более что широко распространённое самоназвание *эвен* давало благоприятный повод для этого.

Делается вывод, что этноним *эвен* закрепился в качестве официального ввиду того, что так называло себя большинство представителей данного этноса; другие названия зачастую пересекались с названиями иных племенных групп, что могло вносить путаницу при перенесении их на всех эвенов.

В **одиннадцатом параграфе** описываются этнонимы **эскимосов**. Указывается, что эскимосы — это не народ, а группа, представляющая собой малочисленные арктические народы, объединяемые под одним этнонимом по общности языков и происхождения.

Приводится список народностей эскимосов, одна из которых имеет внутриэтническое разделение:

1а) *инуиты (инупики)*, англ. ед. *Inuk*, мн. *Inuit*, — проживают в Гренландии и Канаде. Эскимосы — жители Дании представляют именно инуитов. Незначительная часть живёт на острове Ратманова в России;

1б) *инупиаты (инюпиаты)*, англ. ед. *Iñupiaq*, дв. *Iñupiak*, мн. *Iñupiat*, — проживают на Аляске (преимущественно в северной части);

2) *юиты (юпики, юпиты)*, англ. ед. *Yupik/Yup'ik*, мн. *Yupiit*, — проживают в России (на Чукотке) и в южной части Аляски.

Самоназвание азиатских эскимосов — *югыт, юпигыт*, что значит ‘люди, настоящие люди’. Исследуется происхождение этнонима *эскимос* в русском языке. По мнению российских учёных, название происходит из языка североамериканских индейцев-атапасков: они называли своих соседей словом *эскимо*, что значит ‘сыроед; поедающий сырое мясо, рыбу’. А. А. Бурыкин уточняет и пишет, что атапаски называли эскимосов *эскимантсик*¹⁵. В Северной Америке более точной считается версия о происхождении этнонима *Eskimo* из языка инну (монтанье-наскапи). Указывается, что значение ‘поедатель сырого мяса’ подходит для формы языка оджибва (включающей в себя староалгонкинские формы **ašk-* ‘сырой’ и **-po* ‘ѣсть’) и не подходит для объяснения заимствования из языка монтанье-наскапи. Напротив, слово на монтанье-наскапи *ayasimme-w*, *assimme-w* на антикамеке, *aškime* на оджибве означает ‘она плетёт снегоступ’¹⁶.

Автор диссертации склоняется к большей правдоподобности зарубежной версии происхождения этнонима *эскимос* (англ. *Eskimo*), поскольку именно американский континент является преимущественным местом обитания эскимосов и индейцев. В Канаде, США и Гренландии проще исследовать на практике этимологию слов из языков эскимосов и особенно индейцев, чем в России, по причине близкого проживания данных этнических групп и возможности непосредственного контакта с носителями.

Описывается изменение семантического наполнения лексемы *эскимос* с целью лучшего различения отдельных ветвей этноязыковой группы. В Канаде и Гренландии данный этноним не употребляется, поскольку там живут эскимосы-инуиты, но *эскимос* имеет хождение в США как обобщающий, наряду с другими — более узкими этнонимами: *инупиаты* и *юиты (юпики)*. Указывается, что Россия не была исключением в стремлении лучше и точнее обозначить этническую группу, условно могущую быть названной азиатскими эскимосами — по месту обитания. В. Г. Богоразом было выдвинуто интересное предложение, подкреплённое научными наблюдениями. В 1919 году он предложил называть азиатских эскимосов

¹⁵ Бурыкин А. А. Из истории этнонима *эскимосы* в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. V, ч. 3. СПб.: Наука, 2009. С. 232.

¹⁶ Handbook of North American Indians. Vol. 5. Arctic. Washington: Smithsonian Institutions, 1984. P. 6.

айванами¹⁷. На практике, однако, этноним *айван* не прижился и, насколько известно, даже не использовался в широких масштабах. Тем не менее нужно отметить целесообразность введения в русский язык точного этнонима для азиатских эскимосов, на что прямо указал В. Г. Богораз задолго до начавшейся кампании по смене названий народов России в период до Второй Мировой войны.

В двенадцатом параграфе описываются этнонимы **юкагиров**. Указывается на разделение данного этноса на две ветви, имеющие самостоятельные языки, — на северных (тундровых, нижнеколымских) и южных (верхнеколымских или колымских, лесных). Народ имеет два самоназвания, поскольку делится на две ветви: тундровые юкагиры называют себя *вадул*, а лесные — *одул*. По этим этнонимам северноюкагирский язык называют также вадульским, а южноюкагирский — одульским.

Этнонимы *одул* и *вадул* означают ‘здесьшний, свой’. В параграфе указывается, что данная этимология косвенно подтверждается однокоренными словами: *вабанэ* ‘собственный (о жилье, имуществе), родной’, *вабинэ* ‘собственный (об олене, имуществе), родной’, *вабаршил* ‘название юкагирского рода; исконные, коренные’, *вабаршиль* ‘предок, родоначальник’, *вабирэл* ‘название рода тундренных юкагиров’, *валь* ‘возле; около’¹⁸.

Даётся разъяснение, что этноним *одул* не всегда был самоназванием именно народа, а в XVII веке юкагиры делились на двенадцать племён. По замечанию Г. Н. Курилова, все племена имели общий этноним *одул*, отчего составители ясачных книг решили, что это общее название всего народа, состоящего из отдельных родов *алаи*, *коймэ*, *анаул* и т. д. Указывается, что в прошлом этноним *одул* имел то же значение, какое имеет сегодня этноним *славянин*, т. е. являлся не самоназванием одного народа, а именованием совокупности народов, объединяемых в одну этноязыковую общность. Диссертант приходит к выводу, что Г. Н. Курилов, возможно, прав относительно XVII столетия; сегодня, ввиду малочисленности юкагиров и исчезновения десяти из двенадцати племён, сами юкагиры восприняли *одул* в качестве самоназвания именно народа, а не этноязыковой общности. Делается важное замечание: в настоящее время в интересах сохранения общеюкагирской культуры верхнеколымские и нижнеколымские юкагиры выступают как один народ под общим этнонимом. При этом обе ветви юкагиров сохраняют память о племенной обособленности и до настоящего времени между собой именуют себя и своих сородичей различно. Южные (лесные) юкагиры называют северных (тундровых) — *алаи*, а северные южных — *когимэ* ‘вороньи люди’.

¹⁷ Богораз В. Г. О так называемом языке духов (шаманском) у различных ветвей эскимосского племени // Известия Российской Академии Наук. VI сер. Т. 13. Вып. 8–11. Пг., 1919. С. 489.

¹⁸ Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Якутск: Якутское книжное издательство, 1990. С. 38, 40.

Заключение содержит общие выводы диссертационного исследования.

Констатируется сложившийся к настоящему времени этнонимикон малочисленных народов Северо-Востока, существование общих названий, являющихся официальными именованиями этнических общностей, и локальных имён — микроэтнонимов.

Утверждается, что региональная этнонимика расположена на границе региональной лингвистики и ономастики: являясь частью региолекта, она в то же время неотъемлемая составляющая именной (проприальной) карты местности и — на следующем уровне — всей ономастической системы языка.

Русский официальный этнонимикон малочисленных народов Северо-Востока на сегодня представляет собой полностью заимствованную лексику: к настоящему времени не образовалось ни одного этнонима для малочисленного народа на русской этимологической основе, если не брать в расчёт этнофолизмы, применяемые для обозначения не только народов Северо-Востока, но и иных этнических групп, проживающих в других регионах.

Официальные названия народов, невзирая на малочисленность таковых, следует безоговорочно относить к литературному языку. Поскольку это ономастические регионализмы, данные этнонимы находятся вне литературно-языкового ядра, на периферии. Микроэтнонимы также следует включать в литературный язык. В отличие от регионализмов — нарицательных терминов, относимых к литературному языку по множеству критериев, ключевым из которых является безэквивалентность наименования местного предмета или явления, этнонимы (как и онимы в целом) составляют часть литературного языка постольку, поскольку они официальные, и стоят вне литературной нормы и даже правил приличия в прямой пропорции со своей экспрессивностью и оскорбительностью.

Библиография содержит 304 наименования, включая 59 лексикографических работ.

В **приложении** излагаются дополнительные сведения, не вошедшие в основной текст работы, косвенно касающиеся проблемы, поставленной в диссертации. Указывается, что большое количество чисто русских этнонимов и семантические изменения в исторической перспективе говорят о необходимости создания подробной лексикографической работы, посвящённой данному народу, с тщательным описанием всех имён в синхроническом и диахроническом аспектах. Неменьшая необходимость стоит перед наукой в описании этнонимов всех населяющих Россию народов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора общим объёмом 5,38 печатного листа:

I. Научные статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Тейкин М. С.* Экскурс в лингвистическую историю этнонима *чукча* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 247–254.

2. *Тейкин М. С.* Общие и региональные этнонимы эвенков: историко-филологические наблюдения // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 102–107.

3. *Тейкин М. С.* Этнонимы как особый пласт регионализмов: на материале наименований народов Северо-Востока России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 549–557.

4. *Тейкин М. С.* Этноним *камчадал* в лингвистическом пространстве Северо-Востока России // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 104–112.

5. *Тейкин М. С.* Этнонимы как составная часть регионального ономастикона: на примере Северо-Востока России и этнонимов *чукча* и *чуканка* // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. Вып. 2 (28). С. 77–89.

II. Публикации в других научных изданиях:

6. *Тейкин М. С.* О соотношении этнонимов *чукча* и *луораветлан* // Идеи, гипотезы, поиск...: [сб. ст. по материалам XXIV регион. науч. конф. аспирантов, соискателей и молодых исследователей] / Сев.-Вост. гос. ун-т; [отв. ред. Е. С. Шерстнёва]. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2018. С. 12–16.

7. *Тейкин М. С.* Самостоятельные народы, не имеющие своего языка: на примере камчадалов // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов по материалам XVI Березинских чтений (Москва, 24–25 мая 2019 г.) / под ред. В. А. Пищальниковой, Л. Р. Комаловой. М.: ИНИОН РАН, 2019. Вып. 21: Материалы XVI Березинских чтений. С. 34–38.

8. *Тейкин М. С.* История правового положения камчадалов в XX веке: этнонимический аспект // Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе [электронный ресурс]: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию Феофосия Семёновича Донского (24 сентября 2019 г., г. Якутск). Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2019. С. 207–211.

9. *Тейкин М. С.* Статус этнонима в ономастике // Гуманитарные науки в Якутии: исследования молодых учёных. Вып. 4: сборник научных статей [Электронный ресурс] / редкол. Маклашова Е. Г., Данилова Н. К., Дьячковский Ф. Н., Санникова Я. М. Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2020. С. 15–19.

Подписано в печать _____. 2021. Формат 84×108/32

Усл. печ. л. — 1,5. Уч.-изд. л. — 1,5.

Заказ № _____. Тираж 100 экз.

Отпечатано в _____.

Адрес _____,

тел.: _____.